

Евгений Лукин

Вранье, ведущее к правде



*Часть сборника
Бытие наше дырчатое (сборник)*



Евгений Лукин

Вранье, ведущее к правде

«Автор»

2005

Лукин Е. Ю.

Вранье, ведущее к правде / Е. Ю. Лукин — «Автор», 2005

«Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодежной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС...»

© Лукин Е. Ю., 2005

© Автор, 2005

Евгений Лукин

Вранье, ведущее к правде

© Лукин Е.Ю.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Теперь я вижу, что был прав в своих заблуждениях.
Великий Нгуен.*

* * *

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодежной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чем дело? – с недоумением спросили у распорядившейся тетеньки. – Фантастика же...» «Так это они говорят, что фантастика! – в праведном гневе отвечала та. – А на самом деле?!» Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любви Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живехонько. «Прости, конечно, – говорит мне собрат по клавиатуре, – но никакой ты к черту не фантаст». «А кто же я?» – спрашиваю заинтригованно Собрат кривится и издает бессмысленное звуко-сочетание «мейнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мейнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспаленном воображении узников фантлага и означает всё, располагающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже. Не то чтобы я обиделся на собрата – скорее, был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мыто понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

– А кто?

Один, помнится, напряг извилины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдал:

– Сказочник...

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся. Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами. Тоже красиво... Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьезной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели – зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компиляторы, беззастенчиво обдирающие нас, грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения. Что

ж, Бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насладиться стремительной сменой цвета лица и забвением слова «дискурс» (вообще, когда авторитет теряется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

– Да как вообще можно сравнивать Булгакова и...

Если же вы будете упорны в своей бестактности, ученый муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм – это когда талантливо, а фантастика – это когда бездарно. Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминая, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика. Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с легкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у нее ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключение? Фантастики нет. Нету нас. Нетути. Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре – непременно покажу ему язык.

* * *

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергли обыденность, видя выход в иной реальности, в иных временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно отнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны, и от грядущего ничего доброго не ждал. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума). Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так может, это фантастика?». Выволочка за неприличное слово наглецу-студизусу была бы гарантирована. А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика – форма отображения мира, при которой на основе реальных представлений создается логически несовместимая с ними („сверхъестественная“, „чудесная“) картина Вселенной». Отменно сказано. Единственное сомнение: не подскажете ли, какое именно отображение мира считать, по нашим временам, соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи. Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался: «„Портрет“ есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остается талантом».

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырева, который говорит, что „ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверх, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое“».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволяют.

– «Божественная комедия», – отбивается низкими обиходными словами припертый к стенке литературовед, – не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

– Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», поскольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

– Да, но Алигьери-то верил не в будущее, а в вечное!

– Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

– Простите, но «Туманность Андромеды» – научная фантастика. – Слово «научная» проносится с заметным отвращением.

– А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулезно выстроено по Птолемею...

– Да как вы вообще можете сравнивать Данте и...

Короче, смотри выше.

Зато, если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого-либо фантаста, тут и вовсе начинается диво дивное, сопровождаемое немислимыми терминологическими кульбитами.

– Лем? Какой же это фантаст! Это философ...

– Брэдбери? Но он же лирик...

Прибавь мне Бог ума и терпения – обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов».

* * *

Раньше казалось, будто вей дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже непричастность к какому-либо из этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей-почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней молодежи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда-то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу... Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение – Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне слово:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет – фантаст».

И наконец главная жемчужина:

«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребеньки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, но относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором – не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилет городить, когда можно обойтись прокатным станом! Скорее, нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелененького инопланетянина с рожками

или чертика с хвостиком исполнял откровенно выдуманный чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманный. Стоило этим странным персонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представая в самом невероятном и причудливом виде. Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вовсе ломиком. Фомкой.

То есть набором приемов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тетеньки из обкома. То, что жизнь сама по себе вполне фантастична, выяснилось гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия – и вот вам фантасмагория в чистом виде. Бери и пользуйся. Поясню на примере. В рассказике «Серые береты» нет исходного фантастического допущения, Я действительно ловил мышонка – и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта. Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен осчастливить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнет с облегчением. Отделять зерна от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.